

Канталы, разбит на части: 1) родильные, свадебные и похоронные обряды; 2) некалендарные праздники; 3) аграрные обряды; 4) народная медицина и магия. Значительное место в книге занимает сырой материал, данный автором в виде приложения. По богатству материала, касающегося одной только провинции, книга Женнепа представляется, пожалуй, единственной в своем роде во всей западноевропейской фольклорной литературе новейшего времени. Многочисленные примеры книги находят живую параллель в обычаях народов Советского Союза. Так, например, в главе о свадебных обычаях, автор сообщает: в нормальных условиях девушка поселяется в доме своего мужа, или, если экономические возможности не ограничены, отстраивается новый дом для самостоятельного жительства супругов. В семьях жениха, где много девушек, молодые супруги не поселяются, и жених идет в дом своего тестя. Этот обычай бытует и в тех случаях, когда в доме тестя ощущается нужда в рабочих руках. Эта форма называется «входить зятем» («entrer gendre»). Большой интерес представляет книга и для историка религии. По народному представлению французов, болезни имеют различные формы: то в виде маленьких животных, пребывающих в колодцах, прудах или под влажными камнями, то в виде бестелесного «дыхания». Болезнь наступает у того, кого весной кукушка увидит первым. Смерть у больного наступит, если его перенести через проточную воду. Чтобы прошли простуда и менингит, надо разрезать живого голубя пополам и его части прикладывать в первом случае к груди, во втором — к голове, шее, пяткам. При недержании мочи больному дается мясо поджаренной крысы; больной не должен знать, что это мясо крысы, иначе лекарство не подействует. Для избавления от ночных кошмаров вешают над головой на ночь ветку самшита. Крик петуха или совы в необычное время рассматривается как предзнаменование близкой смерти кого-либо в семье. После наступления смерти окна, ставни и двери комнаты покойника закрываются плотно, а вся мебель убирается. Еще в конце прошлого века в гроб или могилу покойника клали хлеб, бутылку вина и монету.

К. Гагкаев

E. Eslyn Evans, *Irish heritage, The landscape, the people and their work*, Dundalk, 1944, 190 + XVI.

Труд профессора Бельфастского университета доктора Ивенса посвящен описанию ирландской национальной культуры. Книга — результат личных наблюдений автора и его учеников, а также широкого использования специальных работ и трудов ирландских краеведческих и фольклорных обществ. Краткая экономическая характеристика современной Ирландии, описания ландшафта, климата и археологии служат введением к обстоятельному этнографическому очерку Ирландии, посвященному в основном материальной культуре. Автор детально описывает типы жилищ и хозяйственных построек, утварь, сельскохозяйственные орудия, технику полевых работ, средства передвижения, орудия для добычи торфа, рыболовные принадлежности, лодки и т. д., прослеживая генезис и эволюцию этих форм, попутно останавливаясь на обычаях и пережитках общинного землевладения. Описание подкрепляется привлечением архивного и археологического материалов. Три заключительные главы посвящены описанию ирландских национальных праздников, ярмарок, провинциальных гродов, обычаев и поверий. Книга богато иллюстрирована типологическими таблицами, фотографиями и схемами. Труд Ивенса — ценный вклад не только в ирландскую, но и в европейскую этнографию.

И. Гурвич

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Arthur Christensen, *Essai sur la démonologie iranienne*, København, 1941, 97.

Крупный современный датский иранист дает подробный очерк развития индоиранской демонологии с древнейших времен до наших дней. Настоящая работа по существу примыкает к ранее опубликованным большим исследованиям автора: «Etudes sur le zoroastrisme de la Perse antique» (Copenhagen, 1928), «Les Kayanides» (Copenhagen, 1932) и «Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens», I—II (Upsala, 1934). Работа разбита на главы: 1) Лжебоги в Гатах; 2) Демоны и чудовища в Авесте; 3) Демонология Вендидад; 4) Демоны надписи Ксеркса; 5) Демоны-чудовища в среднеперсидской литературе; 6) Дивы и пари в новоперсидской эпопее и 7) Арабские и иранские демоны. Как видно из этого перечня, материалом для автора послужили письменные источники древне-средне- и новоиранской литературы. По его словам, на иранскую демонологию оказывают влияние религиозные системы и учения последующих времен. В основе учения об иранских демонах лежат идеи зороастризма, а в новое время, с усилением культурного влияния арабов на Иран, иранская демонология приспособляется к религии ислама. Арабы приносят иранцам различные вариации джиннов и гномов мира бедунов. В иранских условиях арабские джинны принимают характер злых иранских духов зороастрийской религии. Современные иранские дивы и пари, сохранившиеся

от маздеизма, и джины, перенятые от арабов, восходят по существу к более примитивным типам религиозного мышления древних иранцев и арабов. За исключением небольшой главы, посвященной ирано-армянским религиозным отношениям, вся монография ограничивается иранским миром, причем из поля зрения автора выпала религия большинства живых иранских народов, не учтено также влияние на Иран религии тюркоязычных народов Средней Азии и Ближнего Востока. Надо сказать, что исследовательские приемы почтенного ученого несколько устарели и к нему можно отнести слова С. Рейнака, сказанные им по адресу старой сравнительно-мифологической школы: «ученые этой школы сравнивали между собой три или четыре мифологии и оставляли за бортом огромную область народных преданий и религии нецивилизованных народов» («Cultes, mythes et religions», vol. I, p. 122).

К. Гагкаев

C. G. Feilberg, *La tente noire, Contribution ethnographique à l'histoire culturelle des nomades*, København, 1944, XII + 254.

Проблема возникновения номадизма поныне остается одним из тех вопросов, по поводу которых в науке не достигнуто единогласия. Концепции Э. Гана, полагающей возможным возникновение кочевого скотоводства только на основе оседлого земледелия, с самого начала была противопоставлена точка зрения Г. Хэта, допускающая переход к скотоводству непосредственно от охотничьего хозяйства. Теория Хэта нашла горячих сторонников в лице патеров Шмидта и Копфера, так как все номады были ими объединены в «патриархально-большесемейный круг», а патриархальная семья объявлена изначальной формой организации общества. В последнее время ученик обоих патеров Фриц Флор, используя данные австрийского археолога О. Менгина, предложил компромиссное решение вопроса: одомашнение рогатого скота произошло на основе оседлого земледелия, верхового скота — независимо от последнего. Эта же проблема занимает и автора рецензируемой работы — помощника хранителя этнографического отдела Датского государственного музея. По мнению К. Г. Файльберга, для ее решения необходим этнографический анализ культуры номадов и, в первую очередь, жилища. Широко используя разнообразные виды источников — музейные коллекции, известия древних и средневековых авторов, путешественников последних веков и новейших исследователей, автор основательно разбирает черную палатку арабов Северной Африки, Египта, Аравии и сопредельных областей, палатки курдов, луров, афганцев, белуджей, тибетцев, греков и европейских цыган. Отдельные главы посвящены кожаной палатке туарегов, среднеазиатской «кибитке», палаткам арабских полуномадов и специальным видам палаток, употребляемых горожанами, — ярмарочных, палаток китайских торговцев. Анализ связанной с палаткой терминологии и сравнительный анализ отдельных элементов всех видов палатки приводит автора к заключению, что шерстяная палатка номадов является сравнительно поздним типом жилища, содержащим трансформированные элементы различных видов жилища оседлых земледельцев. По мнению автора, палатка возникла у полуномадов на той стадии хозяйственного развития общества, когда приручение дромадера позволило освоить пустыню и перейти к чисто кочевому скотоводству.

Книга Файльберга снабжена фотографиями и планами различных видов палатки. Имеется очень удовлетворительная библиография.

А. Першиц

Elio Migliorini, *La Siria*, Cremonese — Roma, 1941, 76.

Описание Сирии в серии монографий «Современные страны». Первые две главы посвящены физико-географической характеристике Сирии, третья — ее краткому историческому очерку. Несомненный интерес для этнографа представляет четвертая глава: «Население Сирии». Помимо обще-статистических данных конца тридцатых годов, автор довольно подробно описывает антропологические, языковые и религиозные группы населения и классифицирует последние по хозяйственному признаку. Пятая и шестая главы посвящены экономико-географическому описанию страны, причем и здесь автор вполне отчетливо разграничивает экономические особенности различных групп населения. В седьмой, заключительной, главе трактуются «итальянские возможности в Сирии».

А. Першиц

Arab Archery, *A book on the excellence of bow and arrow and the description thereof, translated from an Arabic manuscript of about A. D. 1500 by Nabih Faris, with notes and appendix by Robert Potter Elner*, Princeton, 1945, XI—182.

Уникальная арабская рукопись начала XVI в. из Гарретского собрания библиотеки Принстонского университета. В вводных главах говорится о различных типах лука, о терминологии, связанной с луком и его отдельными частями, и доказываются преимущества арабского типа сложного лука. Большая часть рукописи представ-